

В МИРЕ УСКОЛЬЗАЮЩИХ СМЫСЛОВ

Михаил Блюменкранц

В статье обсуждается тема духовных подмен и их взаимосвязи с символической реальностью. Подмены могут возникать как на уровне ценностной иерархии, вплоть до подмены самой иерархии, так и на путях воплощения символической реальности в реальность конкретную. Анализируется феномен трансформации символа в эмблему, которая, по сути, является формой подмены символа. В отличие от символа, осуществляющего связь сознания с трансцендентным, с духовными основами бытия, эмблема такой связи лишена и способна такую связь только симулировать, являясь всего лишь имитацией символических смыслов. Процесс подмены символа эмблемой рассматривается в современном социокультурном пространстве. Предпринимается попытка найти ответ на вопрос, почему, исходя из самых высоких побуждений утверждения добра, достижения истины, реализации свободы и справедливости человек, стремящийся воплотить эти идеалы в своей деятельности, в результате нередко приходит к противоположному, а именно умножает царящее в мире зло. Рассматриваются проблемы свободы и истины, пути их поиска в контексте современности. В оптике философии И. Канта свобода принадлежит к ноуменальному миру. Сегодня проблема свободы редуцирована до проблемы свободы выбора. Автор исходит из утверждения, что свобода – это метафизическая категория. Она укоренена в духовных основах бытия, где неразрывно связана с категориями истины, красоты и добра. Как таковая, свобода доступна лишь на высших уровнях сознания; по Н.А. Бердяеву, свобода – путь раскрытия во себе универсума. В статье анализируется роль интеллектуальной элиты как главного творца и пропагандиста символических ценностей в формировании социополитической и духовно-нравственной картины мира.

Ключевые слова: символическая реальность, сакральная символика, истина, свобода, интеллектуальная элита, ноуменальный мир.

Альманах «Вторая Навигация»,
Мюнхен, Германия

The article discusses the topic of spiritual substitutions and their relationship to symbolic reality. Substitutions can occur both at the level of value hierarchy, up to substitution of the hierarchy itself, and in the ways of symbolic reality embodiment in the concrete reality. The author analyzes the phenomenon of symbol transformation into an emblem, which, in fact, is a form of symbol substitution. Unlike the symbol that provides communication of consciousness with the transcendental, with the spiritual foundations of man's existence, the emblem is deprived of such communication and is only able to simulate such communication, being just an imitation of symbolic meanings. The process of replacing the symbol with the emblem is considered in the modern socio-cultural circumstances. An attempt is made to find an answer to the question why, stimulated by the highest motives of goodness statement, achievement of truth, realization of freedom and justice, a person seeking to embody these ideals in its activities, as a result often comes to the opposite, namely multiplies evil reigning in the world. The author of the article considers the problems of freedom and truth and the ways of their search in the context of modernity. In the optics of philosophy of I. Kant freedom belongs to the nominal world. However, today the problem of freedom is reduced to the problem of freedom of choice. The author proceeds from the statement that freedom is a metaphysical category. It is rooted in spiritual fundamentals of man's existence where it is inextricably linked with the categories of truth, beauty and goodness. It is claimed that freedom as such is attainable only at the highest levels of consciousness. According to N.A. Berdyaev, freedom is a way of discovering the universe in oneself. The article analyzes the role of intellectual elite as the main creator and propagandist of symbolic values in the formation of sociopolitical, spiritual and moral picture of the world.

Keywords: symbolic reality, sacred symbolism, truth, freedom, intellectual elite, noumenal world.

С годами все больше укрепляешься в мысли, что мы живем в мире нескончаемых духовных подмен. Вступая в непримиримую борьбу за идеалы добра, справедливости и свободы, мы спустя время с горечью обнаруживаем, что в результате лишь приумножили зло, царящее в мире, открыли путь к еще более жесткому произволу, упрочили узы рабства. Об этом красноречиво свидетельствуют истории почти всех победивших массовых движений как в прошлом, так и в настоящем.

Ничто не линяет так стремительно, как полотнища победных знамен. Что же за дьявольские червонцы подсовывает нам реальность, которые то и дело превращаются на наших глазах в кучу жухлой листвы?

Возможно, ответ нужно искать в той самой символической реальности, которую мы сами творим. Возможно, что именно здесь происходят подмены, подстерегающие нас в конкретной действительности.

Прежде, чем вести разговор о символической реальности, зададимся вопросом о том, что представляет собой реальность «реальная», не символическая, тот предметный мир, в котором мы существуем и очевидность которого, как правило, сомнений не вызывает. Хотя после кантовской «Критики чистого разума» уверенности в адекватности нашего восприятия окружающего мира несколько поубавилось. Ведь Кант доказывал, что мы не познаем чувственную реальность, а лишь конструируем ее с помощью присущей нашему сознанию оптики, а уже затем познаем то, что сами сконструировали¹. Время, пространство и следственно-причинная связь обусловлены исключительно нашей оптикой и находятся не в окружающем нас мире, а в нашей голове.

И если все так, как полагал Кант, то мы не более, чем коллектив конструкторов, обреченных на постоянное конструирование непознаваемой для нас по сути реальности. И тогда возникает правомерный вопрос: в чем же принципиальное отличие действительности, создаваемой нами при помощи символических форм, от той конкретной реальности, принимаемой нами за безусловную точку отсчета, за нерушимую границу между явью и фантазией, реальностью и бредом?

Жак Лакан полагал, что сознание и реальность – это одно и то же. Если утверждение Лакана справедливо, то мы – существа многомерные и многомирные, так как наше существование протекает сразу в нескольких временно-пространственных параметрах, с большей или меньшей степенью интенсивности нами переживаемых.

Так, кроме окружающего мира, реальность которого для нас самоочевидна, мы много времени проводим в так называемой виртуальной реальности: в мире фильмов, сериалов, видеоигр, развлекательных шоу, информационного пространства Интернета и т.п.

Если мир, каким мы его воспринимаем, является конструкцией, созданной априорными формами нашего сознания, то виртуальная реальность – еще одна конструкция, конструкция внутри конструкции, матрешка в матрешке. В ней легче спрятаться от жизни, так как здесь в ва-

¹ Оговоримся, что речь идет о феноменальном, а не о ноуменальном мире, обладающем, по определению Вильгельма Виндельбанда, «нравственной ценностью сверхчувственного».

шем распоряжении современные медиасредства, подыскивающие и транслирующие ту картину мира, которая вам больше по вкусу, отбирающие только ту информацию, которая не выводит из зоны интеллектуального комфорта. При этом не имеет значения, позитивный или негативный характер она несет. Главное, чтобы она подтверждала как истинность ваших убеждений, так и правоту ваших предубеждений.

Существуют и многочисленные галактики, созданные художественным вымыслом и населенные быстро вымирающим племенем читателей книг. Ну, а мир наших сновидений, которые подчас бывают ярче и причудливее действительности?

Все эти виды реальности прочно вплетены в ткань нашего сознания, представляя собой как бы пирог, основой которого является та предметная реальность, где мы фактически пребываем и с исчезновением которой, как многие склонны полагать, исчезнут и все наслаждаемые на нее остальные виды реальностей, поскольку вместе с ней исчезнет и само наше сознание.

Символические формы работают в этой гиперреальности, как ткацкий станок, соединяющий нити каждого из миров в единую ткань нашего существования. Кроме того, сакральная символика является мощным энергетическим источником для преобразования всех видов реальности, задавая фокусировку нашей оптики, осуществляя настройку нашего сознания.

О важнейшей роли сакральной символики в истории становления человеческого сообщества свидетельствуют и недавние археологические открытия – раскопки древнейших поселений на территории современной Турции. Обнаруженные артефакты заставляют по-новому взглянуть на историю возникновения ранних цивилизаций. Вопреки традиционным представлениям об определяющем значении экономических факторов, таких как, к примеру, сооружение ирригационных систем, понуждающих людей объединяться в большие коллективы, выясняется, что первыми сооружениями, вокруг которых стали возникать очаги будущих цивилизаций, являлись храмы, где люди собирались для почитания священных реликвий, совершая жертвенные обряды и магические ритуалы. Похоже, что в основе зарождения цивилизаций лежали духовные практики, характеризуемые общностью религиозной символики, исполнением ритуалов и системой табу. Эти три фактора и являлись, по видимому, важнейшими условиями формирования культурных миров.

Однако обрядовая сторона и возникающие системы табу берут свое начало и основание в сакральной символике. С одной стороны, сакральная символика являет собой форму реализации человеком его тоски по бесконечному, выражением его духовной сущности, с другой, служит эффективным средством сплочения и солидаризации, своеобразным социальным клеем, соединяющим человеческие коллективы в единую племенную и надплеменную общность.

Добавим, что и в эти, архаические, и в последующие за ними времена реальность, переживаемая людьми в их сновидениях, часто представлялась им более важной и значимой, чем реалии повседневной жизни. В сновидениях им открывались двери в таинственный мир богов и духов,

подсказывающих мучимому сомнениями человеку те или иные решения его жизненных проблем. Тем самым символическая реальность часто воспринималась более реальной, чем обыденность. Еще Фалес Милетский, первый греческий философ, полагал, что все полно духов, демонов и душ.

И сегодня мы не испытываем недостатка в символике. Широкий ассортимент символических форм представлен на многочисленных прилавках массовой культуры: от последних брендов Голливуда до либерально-демократической оптовой распродажи «общечеловеческих» ценностей. Однако не стоит обольщаться: в большинстве своем это лишь симулякры, продукты подмен. Вместо символа, связывающего человеческое сознание с трансцендентным, с духовными основами бытия, мы имеем дело с эмблемой, которая, в отличие от символа, этой связи лишена и способна лишь такую связь симулировать. Эмблема, как пустая оболочка исчезнувших смыслов, лишь указывает на место проживания отжившего, выдохшегося символа. Еще чаще эмблема является простой имитацией символических смыслов. По мнению Мераба Мамардашвили и Александра Пятигорского, в современном мире происходит обеднение символических форм¹.

Слово «символ» происходит от греческого «соединяю». Существовал обычай: когда люди надолго расставались, они разламывали на две части какой-нибудь предмет, половинки которого каждый оставлял у себя. Встретившись через много лет снова, они или уже их потомки, соединив части в целое, таким образом узнавали друг друга.

В более широком смысле символ – это то, что соединяет временное с вечным, если к временному найдена его недостающая половинка.

Кант видел в символе особый способ духовного освоения реальности. Через материальную вещь символ производит то, что превышает эту вещь. Эта реальность, согласно Канту, связана уже не с природной необходимостью, а со свободой.

И именно здесь коренится одна из фундаментальных подмен нашего времени – подмена свободы.

С архаических времен в человеке первоначально заложена «жажда реального», неизбывная тоска по абсолютному бытию. Об этом пишет в своем «Трактате по истории религий» Мирча Элиаде [7]. Юношеский максимализм, идеальные устремления – и косная инерционная действительность, грубая материя жизни, о которую разбиваются «души прекрасные порывы». Кто не проходил эти этапы взросления и становления? Кто хоть ненадолго не вдыхал этот пьянящий чистый воздух пылкого романтизма? В прошлом из него рождались большая литература и великая музыка. Из него же родились и кровавые диктатуры. То, что было плодотворно в искусстве, оказалось губительным в политике.

¹ «Есть один чрезвычайно интересный феномен, повсеместно наблюдаемый в современной цивилизации: “недостаток символизма”. По-видимому, мы живем в такое время (или “мы такие”), когда символов для нашего собственного оперирования или потребления весьма мало» [4, с. 101].

В цикле лекций «Беседы о мышлении» М.К. Мамардашвили говорит: «Идеальные стремления? Пожалуйста, тогда вам антихрист больше подходит, чем Христос. Повторяю: антихрист отличается от Христа своей идеальностью, а Христос от него, следовательно, отличается тем, что он плоть, но плоть особая, она то, что я называю словами Декарта “метафизическая материя”» [3, с. 416].

В эпоху победившего «цинического разума» особо подкупает нравственный максимализм, чистота порывов, сила бескорыстной убежденности, наивное прекраснодушие молодого, а иногда и не очень молодого поколения: дьявол – логик, доверяй чувству, повинуйся своему сердцу.

Непоколебимые якобинцы, пламенные большевики устлали свой путь трупами, следуя, как правило, зову сердца...

В свое время Г.В. Лейбниц утверждал, что «если все измерять силой и, соответственно, напряженной искренностью убеждения, тогда и у дьявола должны быть свои мученики, т.е. “чистые”» [цит. по: 3, с. 445].

Да, они, конечно же, защищали возвышенные идеалы, идеи, ценности, но разве идеалы и ценности – это лишь плод наших мыслительных усилий? Отнюдь. Как всякое верование, это прежде всего эмоциональное переживание. Недаром Д. Юм считал, что ценности скорее чувствуются, чем мыслятся. Ум, конечно, часто в дураках у сердца, но это еще не означает, что сердце – панацея от бесовщины. История знает немало примеров такого «святобесия».

Идеалы и ценности – неотъемлемая составляющая символической реальности. О единстве образа и идеи в символе писал в своей «Диалектике мифа» А.Ф. Лосев. Образ-идея синтезирует чувственное и рациональное в восприятии нами символических значений. Почему же то, что так привлекательно выглядит в идеальном символическом мире, часто реализуется как кровавый кошмар в реальности конкретной? Когда возникает подмена? В момент перехода наших идеалов и ценностей из мира символических форм в мир конкретной действительности? Почему идеальные стремления слишком часто оказываются путем к антихристу, а прекраснодушие – любимой наживкой дьявола? «Опыт – почти всегда пародия на идею», – отметил И.Ф. Гете. Пройдя определенный исторический путь, мы смогли убедиться, что самые распрекрасные утопии, воплощаемые в надежде осчастливить человечество, обернулись на практике антиутопиями. Если таким образом в символической реальности мы реализуем свою свободу, то что же не так с самой символической реальностью, с нашей свободой, с самими нами?

Самыми успешными торговцами символической реальностью на рынках современного постиндустриального общества оказываются политики, а также многочисленная армия журналистов и политтехнологов. Они умело используют лакановскую формулу: реальность и сознание – одно и то же, и, манипулируя сознанием, создают для своей аудитории подходящую реальность. В этом процессе определенной настройки сознания важная роль отводится ценностям и идеалам – важнейшим компонентам символической реальности.

Мераб Мамардашвили тонко заметил, что энергия Зла проистекает из энергии Истины. Правда, Зло называется злом только до тех пор, пока

Истина не победила. Когда же Истина восторжествовала, совершенное для ее победы зло провозглашается благом. Так, при Омейядах или Аббасидах отрезать голову за карикатуру на пророка Мухаммеда, воплощающего для благочестивого мусульманина сакральную истину, рассматривалось бы правоверными как дело в высшей степени справедливое и богоугодное. Да и сегодня это может стоить шутнику головы. Но в условиях либерально-демократического общества, декларирующего как фундаментальную истину право личности на свободу слова, отрезать голову за свободно высказанное мнение – это безусловное преступление и зло.

Энергия зла вырастает из непоколебимой уверенности человека в собственной правоте в деле утверждения истины. А так как открывшаяся ему истина совершенно бесспорна, то и дело по переустройству этого неправильного мира в соответствии с очевидной верностью истины – благое. «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [5, с. 4]. И горе тем, кто попытается нам помешать или станет у нас на пути.

После объявленной отставки Бога право на обладание Истиной перешло в ведомство антимонопольного комитета и оказалось в распоряжении рынка, который эту истину определяет и калькулирует. Похоже, что все попытки капитального ремонта обветшавшего мироздания грозят обернуться крахом для его обитателей, принявшихся дружно подкапывать фундамент.

Так что вновь возникает пилатовский вопрос: «Что есть Истина?». Ничем не вынужденное понимание, как полагал Рене Декарт? Или всего лишь устраивающая нас реальность? – Не знаю. И думаю, что никто не знает. Но она есть. О том, что она существует, свидетельствуют те бесчисленные ушибы и ссадины, которые мы получаем в течение всей своей жизни, когда бьемся, как слепые, о невидимую нам Истину.

Само наличие заблуждений свидетельствует о ее существовании. Видимо, прав был С. Кьеркегор, утверждавший, что истину нельзя знать или не знать, в истине можно только быть или не быть. Тем самым, истина – категория не гносеологическая, а экзистенциальная. Как и мудрость, истина не плод усилий нашего ума, а состояние нашей души. И Вечность иногда стучится к нам в окно. Нам нужно только вовремя его распахнуть. Об этом – евангельский ответ «Я есмь истина», об этом же и «Познайте истину, и истина сделает вас свободными».

И. Кант полагал, что свобода там, где человек моральным актом создает сам себя. Свобода же неопределенная – это произвол. Нам судилось жить в эпоху переоценки всех ценностей – в мире, в котором возможности манипулирования человеческим сознанием возросли многократно. Духовные подмены в человеческой истории происходили, видимо, всегда, но сегодня, не в последнюю очередь в связи с успехом новых технологий, приобрели невиданный до сих пор масштаб. Под знаменем раскрепощения человека происходит его развоплощение.

Единственно открытый выход в мироздание существует лишь через предельную глубину нашего собственного «Я». Для этого необходимо преодолеть все оболочки и напластования, наложенные на нас печатью

времени, и обжечь душу прикосновением к Тайне. Это путь мистиков, для большинства недоступный. Большинству нужны компасы и маяки, нужны эффективные менеджеры по производству и распределению символической реальности.

И сегодня интеллектуальная элита выполняет работу фальшивомонетчиков по чеканке эмблематики, продаваемой по цене сакральных символов. Из наиболее популярных – толерантность, политкорректность, мультикультурализм и гендерный плюрализм, священное право индивида на половую самоидентификацию. Фактически, эти ценности определяют идейный вектор развития нового прекрасного мира. Свою ценность в этой реальности получает и сам человек. Он прошел долгий путь поиска самоидентификации от аристотелевского человека, политического животного в античном мире, до существа, сотворенного по образу и подобию Божьему, наделенного духовной природой, во времена Средневековья, и до представителя высшего разума в эпоху Просвещения, чтобы, наконец, сегодня осознать себя социобиологической особью, более или менее успешным функционером в гигантском механизме производства-потребления. Потеряв личность, человек, по определению Романо Гвардини, из последних сил старается сохранить лицо. Битву за свое антропологическое достоинство он давно проиграл. И большая доля вины за это поражение лежит на интеллектуальной элите, ведь именно она, по сути, создатель и творец символической реальности.

В первой половине прошлого века вышла в свет книга Жюльена Бенда «Предательство интеллектуалов». Тогда книга вызвала ожесточенные споры. Спустя время факт такого «предательства» стал очевиден: достаточно перечислить имена известных европейских интеллектуалов, режиссеров, писателей, философов, ученых, которые с неподдельным энтузиазмом вносили свой посильный вклад в рождение символической реальности большевистской и национал-социалистической диктатур.

В первом случае речь шла о секуляризации христианской системы ценностей, основательно перекроенной философией Просвещения и Французской революцией в гуманистические идеалы свободы, равенства и братства. Во втором была манифестирована другая система ценностей – крови и почвы, расового превосходства – гремучая смесь примитивного дарвинизма и опошленного романтизма. По масштабам кровавых жертвоприношений, принесенных этими режимами во имя утверждаемых ими истин, соперники оказались достойными друг друга.

Томас Гоббс иронично заметил: «Дела человеческие не могут существовать, не принося с собой некоторых неприятностей» [2, с. 340]. Путь к Равенству, Свободе и Справедливости неизбежно проходит вдоль насыпи из чьих-то отрубленных голов.

Ветхие заветы сменяются новыми, а те – еще более новыми, но дорога к светлым идеалам не становится короче. Достаточно вспомнить несомненные «достижения» прошлого века: концлагеря, мясорубку двух мировых войн, ядерные бомбардировки. Эффективная вакцина против исторического оптимизма. И вновь всплывает проклятый вопрос Ивана Карамазова о слезинке ребенка. Тем более, что дворец всеобщего счастья всякий раз подозрительно смахивает то ли на казарму, то ли на тюрьму.

В беспощадно-правдивой булгаковской повести-притче «Собачье сердце» блестяще показан самообман русской интеллигенции. Ее самоотверженные усилия в деле освобождения и просвещения народа в итоге увенчались успехом – приходом бесчисленных шариковых, занявшихся методичным уничтожением прежде всего этой самой интеллигенции, составлявшей, по сути, озоновый слой Российской империи. Результатом проведенной работы стало существование последующих поколений в условиях хронического кислородного голодания, ведь оказалось, что ничто так надежно не укрепляет власть тьмы, как бескомпромиссная борьба за светлые идеалы. Так случилось вчера, так происходит сегодня и, видимо, продолжится в будущем, при условии, что оно – вопреки нам – случится.

Идеальные стремления важны и необходимы, именно они задают горизонт человеческого существования, определяют вектор его развития. Но это результат долгой внутренней работы нравственного становления личности, органика ее духовного роста. Когда же этот процесс подменяется грубым внешним насилием, принуждением человека жить по жестко выверенным кем-то лекалам добра, истины и справедливости, то в какой-то момент неизбежно происходит бунт и наступает расплата. И тогда «реальная» реальность жестоко мстит энтузиастам реальности символической за насилие над собой. Сколько поколений в истории человечества оказались заложниками и жертвами такой мести!

Сегодняшняя интеллектуальная элита продолжает работу по созданию энергоемкой эмблематики, представляющей собой симулякры символических форм. Происходит очередная великая культурная революция под знаменем непримиримой толерантности, где интеллектуалы взяли на себя роль китайских хунвейбинов времен председателя Мао. И, по сути, это даже не революция, а обыкновенный погром.

Нынешние интеллектуалы – трубадуры и популяризаторы репрессивной культуры несправедливо обиженных. Общество распалось на многочисленные группы обиженных, агрессивно требующих компенсации за нанесенные им не только сегодня, но и в историческом прошлом обиды.

Позор Платону и Аристотелю, оправдывавшим рабство, привлечем к ответу Юма и Канта за гомофобные высказывания и защиту колониальной политики, вычеркнем из памяти человечества Уильяма Шекспира, обозвавшего свободолобивую эмансипированную женщину строптивой и призывавшего к ее укрощению. Уберем из школьных программ Марка Твена за пропаганду белого превосходства в «Томе Сойере». С кем останемся? Да и такая цензура при тоталитарных режимах уже была. А как же со свободой слова? Или на нее есть такая же монополия, как и на истину?

Сегодня, как и сто лет назад, в России творческое меньшинство Запада с энтузиазмом встречает нагрянувших гуннов.

Ф.М. Достоевский писал о том, что нет ничего страшнее человека, тщательно посчитавшего цену своего страдания и предъявившего ее миру. Н.А. Бердяев считал чувство обиды плебейским. Следует признать, что в эпоху «восстания масс» именно чувство обиды становится двигате-

лем истории. Произошедшая дифференциация массы, ее раскол на различные группы не избавляют нас от диктата массового сознания, так же, как раскол в нигилистах не сделал их романтиками.

Мы живем в мире перманентных истерик – истерик на расовой, гендерной, экологической и других почвах. Со всех сторон несутся христианские по своей форме, но приобретающие инквизиторский пафос призывы к немедленному покаянию. Однако переполняющая эти призывы ненависть вряд ли заставит кого-то покаяться. Вспоминаются слова Г.С. Померанца: «Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в бой за святое и правое дело...».

Какие бы знамена ни развевались над головами бескорыстных защитников Добра и Справедливости, лучше вглядывайтесь в лица знаменосцев!

Активисты массовых движений, словно Афина из головы Зевса, возникают, как результат воспаленной фантазии обезумевших от своих мечтаний интеллектуалов, еще до того, как вспыхнут первые костры и заработают первые гильотины.

Символическая реальность ищет своего материального воплощения. Но не стоит забывать, что, как справедливо заметил Лешек Колаковский, «дьявол не подлежит реформированию», поскольку, добавлю от себя, имеет обыкновение воплощаться в своих реформаторах.

Эрик Хоффер подметил: «Ненависть и жестокость, берущие свое начало в себялюбии и эгоизме, не идут ни в какое сравнение по эффективности со злобой и безжалостностью, порождаемым самоотверженностью» [6, с. 124].

В силу того, что интеллектуалы по роду своей деятельности оказываются наиболее вовлеченными в мир символической реальности, они и более подвержены соблазну духовных подмен, склонны легче воодушевляться высокими идеалами и впадать в «прелесть», часто проявляя при этом высокую степень самоотверженности.

Свобода, реализуемая в растворении индивидуального «Я» в некоем коллективном «мы», что обычно и происходит во всех массовых движениях, стремящихся воплотить ценности и идеалы символической реальности в конкретной действительности, как правило, оборачивается подменой как самих этих ценностей и идеалов, так и свободы как таковой.

Трансцендентное, которое только и придает сакральные смыслы символике, в этом случае полностью проецируется на социальное. Тем самым происходит подмена сакрального символа его симуляком, эмблемой. Такая эмблема какое-то время успешно использует энергетический потенциал сакрального символа, так же воздействуя на архетипы человеческого бессознательного и гальванизируя их в рамках господствующей идеологии. Она – эмблема – эксплуатирует те же традиционные каналы, по которым различные вероисповедания работали с религиозным сознанием, однако последствием этой подмены становится оскудение духовных источников бытия. В человеке оказывается ампутированной духовная сторона личности. Его сознание становится полностью определяемым и регулируемым социобиологическими приоритетами.

Сегодня проблема свободы полностью редуцирована до проблемы свободы выбора. Однако свобода – категория метафизическая. Она укоренена в духовных основах бытия, где неразрывно связана с истиной, добром и красотой. Свобода как таковая проявляется лишь на высших этажах человеческого сознания. «Свобода – путь раскрытия во мне универсума» [1, с. 306], – писал Н.А. Бердяев.

Тайна свободы – в ее укорененности в мире ноуменального. Все попытки разгадать эту тайну, оставаясь на плоскости, в области социальных, исторических или биологических явлений, приводят к тому, что свобода теряет свое содержание и оборачивается своеволием и произволом. Лишенная духовного содержания, свобода теряет свою способность к созиданию и становится разрушительной.

Угроза состоит в том, что в результате подмены символа эмблемой, свобода лишается своей изначальной укорененности в мире сакральных смыслов и неизбежно выхолащивается в симулякр.

Такие метаморфозы свободы, лишенной духовного содержания, могут стать фатальными для общества, поскольку как самого себя, так и окружающую его действительность человек призван создавать, реализуя свою свободу. И здесь мы соприкасаемся с метафизической реальностью, которая не конструируется и не познается, а лишь иногда просвечивает сквозь нашу реальность, приоткрывая ее глубину. Когда же связь с метафизическим измерением бытия теряется, то реальность начинает растворяться в абсурде, и мы погружаемся в «жидкий мир», мир размытых границ и форм.

Литература

1. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Международные отношения: ДЭМ, 1990.
2. Гоббс Т. Основ философии. Ч. 3: О гражданине // Гоббс Т. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 270–506.
3. Мамардашвили М.К. Беседы о мышлении. СПб.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2018.
4. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
5. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 1–4. С. 4.
6. Хоффер Э. Человек убежденный. Личность, власть и массовые движения. М.: Альпина PRO, 2020.
7. Элиаде М. Трактат по истории религий. М.: Академический проект, 2015.

Blumenkranz, Mikhail A. *In a world of elusive meanings*

References

1. Berdyayev, N.A. (1990), *Self-Knowledge (experience of philosophical autobiography)*, Mezhdunarodnyye otnosheniya: DEM, Moscow (in Russian).
2. Hobbes, T. (1989), *Philosophical Rudiments Concerning Government and Society*,

- P. 3: On the Citizen, in: Hobbes, T., *Works*, in 2 vols., vol. 1, Mysl, Moscow, pp. 270–506 (in Russian).
3. Mamardashvili, M.K. (2018), *Conversations on Thinking*, Fond Meraba Mamardashvili, St. Petersburg (in Russian).
 4. Mamardashvili, M.K., & Pyatigorsky, A.M. (1997), *Metaphysical Discourses on Consciousness, Symbolism and Language*, Schkola “Yazyki russkoy kultury” (in Russian).
 5. Marx, K. (1955), Theses on Feuerbach, in: Marx, K., & Engels, F., *Works*, vol. 3, Gospolizdat, Moscow, pp. 1–4 (in Russian).
 6. Hoffer, E. (2020), *The True Believer. Thoughts on The Nature of Mass Movements*, Alpina PRO, Moscow (in Russian).
 7. Eliade, M. (2015), *A Treatise on the History of Religion*, Akademicheskiy proekt, Moscow (in Russian).